

Переписка

Владимира Федоровича Одоевского

с Алексеем Степановичем Хомяковым

А. С. Хомяков -- Одоевскому
<9.VII.1845>

Сколько раз уже собирался я к тебе писать, любезный Одоевский! Если скажу, что раз десять, право, еще мало. Надобно было благодарить за присланный экземпляр твоих повестей, объяснить отказ в участии и издании книг для народного чтения, поблагодарить за присланную "Азбуку", которая очень хороша, несмотря на приписку Соболевского, и еще о многом и многом написать к тебе. Не писал я, кажется, только потому, что именно надобно было писать о многом и многом, а в этом случае всегда бывает трудно за перо взяться. Так давно мы не видались, так мало виделись в последнее наше свидание, и так трудно писать, когда всякое слово требует комментариев и объяснений, возможных только при живом слове, т. е. при долгих, искренних и нешуточных беседах. В последнем письме твоём (при "Азбуке"), ты как будто жалуешься на молчание "Москвитянина" о твоём издании. Кажется, оправдывать "Москвитянина" уже не нужно. Если бы он был жив, то он стал бы говорить о тебе и говорить серьезно: в этом ты можешь быть уверен, если сколько-нибудь отдаешь справедливость самому себе. Разумеется, не все бы было похвала: примешалась бы и горькая критика не художественного достоинства, но самых основ твоей мысли. За это и ты бы не погневался, но статья была бы серьезная и об ней уже было говорено часто и много. Боги решили иначе. "Москвитянин", умиравший тихою смертью прошлого года, на время оживленный в начале нынешнего Киреевским, убит болезнью своего нового издателя, который от него отступился, и переходит окончательно в состояние предсмертной летаргии. Дотянет ли он кое-как до 1 января -- неизвестно, но во всяком случае его уже ни судить, ни осуждать нельзя. Умирающий неприкосновеннее даже умершего. За всем тем, если издание "Москвитянина" продлится, в каком бы жалком виде оно ни было, я дам сколько-нибудь статей, как продолжение уже напечатанных. У меня к делу такого рода нет никакой охоты: эти беседы с публикою совсем не по моему вкусу. Бог с нею! Тысячу раз веселее, отраднее и мне более по сердцу занятия древностию и историею в ее самых темных отделах. Они дороже мне всякой похвалы, дороже, чем в истории веки и почти дороже живой охоты осенью (впрочем, последнее сомнительно). Например, на днях нашел я несомненный след антов и венедов на Кавказе в третьем веке после Р. Х. и подтверждение свидетельства Иорнандова о первой причине войны гуннов с готфами. Сердце взыграло радостью несказанного; а делать нечего. Приходится исполнить долг совести и потолковать еще с публикою, хоть она бы и не слушала и не читала, и толковать о сущем вздоре -- о современности. Если ты читал мою статью в 4-м N "Москвитянина", ты там видел отчасти причину, почему я так решительно отказался от участия в "Сельском чтении". Я уже не говорю о том, как оно издается и распространяется, но об содержании и языке и всей, так сказать, ипостаси издания. В нем, по моему, нет никакой возможности участвовать. Ты в нем пишешь, и поэтому, может быть, мне и не следовало бы тебе так откровенно говорить свое мнение, но, с другой стороны, мне и не следует тебе не сказать своего мнения; наша давняя приязнь требует откровенности. Мне кажется все издание "Сельского чтения" крайне оскорбительным явлением и выражением глубокого, ничем не заслуженного и во всяком случае непозволительного презрения к просвещаемому. Ты сам, вероятно, нисколько не дорожил приглашением москвичей к участию в этой книге: я мог бы и не объяснять причин, по которым я отказался, но я говорю об них потому, что они связаны со всею деятельностью или со всем направлением, в котором мы желали быть деятельными. Неужели же нам суждено, наконец, быть противниками? Разумеется, если бы и так, то это нисколько не изменило бы наших старинных дружеских отношений, но прибавило бы много горечи к делу, которое и само по себе уже не больно отрадно. Да неужели это необходимо? Я не могу до сих пор в этом увериться и говорю это тебе с тем большим правом, что без тебя я всегда был твоим защитником, когда другие на тебя нападали. Мне кажется, все дело в недоразумении. Ни ты, любезный Одоевский, ни другие, которые вместе с тобою всегда желали добра и подвизались за него (как, напр<имер>, Жуковский), вы не вполне оценили минуту современную ни в России, ни вне России. Дело всех людей, всех народов решается собственно у нас, а не на Западе, дело истинное, дело просвещения и жизни, которое гораздо выше и важнее всех так называемых практических вопросов. Очевидно, если бы оно могло решиться на Западе, оно бы уже и было решено или, по крайней мере,